

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Смена вех интеллигентской общественности

О полевении интеллигенции и о примирении ее с Советским строем говорят очень много, преувеличенно много.

Нет никакого сомнения, что интеллигенция за эти 4 года постепенно примирилась с очевидно неотвратимой бедой, какой являлась для большинства ее столь «неудобная» революция. В целом, в массе, у интеллигенции не хватало подъема для ее правильной оценки. Этого исторического факта не могут скрыть от нас никакие последующие явления и грех интеллигентского Содома, не искупят отдельные праведники. Конечно, было бы до крайности несправедливо говорить все это об интеллигенции огулом. Прежде всего русская интеллигенция, если бы она пришла в себя, могла бы с гордостью указать на тех интеллигентов, которые отдали все свои силы коммунистической партии, а следовательно, и Великой Российской и Мировой Революции. Во-вторых, мы с благодарностью можем назвать десятки больших имен и указать на сотни, может быть на тысячи, скромных тружеников, которые сразу, или более или менее скоро, но совершенно искренно пошли на работу обороны и созидания нового социалистического отечества. Что же касается интеллигентской обывательщины, то, по моим наблюдениям, она, как была болотом, так и осталась. Было, пожалуй, несколько больше активной злобы, — теперь больше пассивной резиньяции, но также живет среди нее тысячеголовая шипучая сплетня, то же политическое и социологическое невежество, то же стремление бесконечно скулить над неудобствами жизни и подмачивать трусливым саботажем почти всякую продаваемую ею пролетарскому государству работу.

Повторяю, если тут, в этом мертвом море, есть какое-нибудь движение воды влево, то разве только в смысле почти окончательного

понижения в сердце интеллигента надежды на скорый конец ненавистного периода.

Другим элементом интеллигенции являются ее политически и социалистически сознательные единицы, т. е. меньшевики, эсеры, кадеты и то, что к ним примыкает. Есть ли тут какой-нибудь сдвиг? Опять только разве в том смысле, что Мартовы¹ и Черновы, а стало быть, и мелкота, за ними идущая, разуверились в скорой победе и задумались, ожидая у моря погоды, над тем, какой же тактики придерживаться им в такое постигшее их безвременье. Чем разрешатся эти думы — для нас почти совершенно безразлично, ибо псевдосоциалистическая интеллигенция лишена сейчас всякой силы и авторитета. Лучшее, что мы могли бы еще получить от нее, это, пожалуй, несколько десятков работников на второстепенных местах, в случае полного покаяния. Но повторяю, никакого настоящего полевения, т. е. действительно глубокого проникновения в смысл совершающейся и совершившейся революции мы не видим. Не считать же симптомом этого то обстоятельство, что Мартов задним умом начинает понимать, что Октябрьская революция была не авантюрой, а гигантским общественным явлением.

Молодежь. Мы имеем превосходную молодежь, выдвигаемую крестьянством и пролетариатом через военные школы, Свердловский университет, Партшколы, в качестве интеллигенции завтрашнего дня. Уже и за границей, в передовых журналах эмиграции, появились восторженные сведения об этой новой интеллигенции. На нее мы, действительно, можем вполне опираться. Эти люди революцией рожденные и революции безусловно и энтузиастически верные.

Но та интеллигентная молодежь, которая составляла студенческие кадры в прежнее время и молодежь, которая шла против этого прежнего студенчества? Как с ними обстоит дело? Я ни в коем случае не скажу, что здесь не заметно никакого полевения, но оно, по-моему, произошло значительно раньше и происходило органически. Оно вовсе не представляет собою характера какого-то крупного сдвига влево. В самом деле, количество коммунистов в университетах частью благодаря подниманию снизу демократических и трудовых элементов, частью благодаря процессу прояснения душ наиболее чуткой и отважной части интеллигенции — ее юношества, — неуклонно росло и растет. Общее настроение студенчества, как мне кажется, из резко враждебного, контрреволюционного под разными соусами — превратилось частью в пассивное, частью в деловое, которое можно формулировать приблизительно так: «хоть мы вас не любим, но работать с вами приходится, и мы попробуем». На моих

лекциях в университете, которые насквозь проникнуты марксистским мирозерцанием, бывает много студентов. Слушают внимательно, и из записок, которые подаются, видно, что большинство относится к разбираемым проблемам деловым образом, но бывают и записки, полные самой тупой обывательской злобы, вульгарно-эсеровского, вульгарно-православного типа. Есть, значит и такие слушатели, и при том в аудитории лектора-марксиста.

Словом — некоторый молекулярный процесс, длительный и органический.

Несколько иное впечатление выношу я из вольной аудитории, т. е. от бесплатных и платных лекций, которые мне приходится читать. На такие лекции обыкновенно собирается очень много народа. Надо отдать справедливость этой аудитории, — она с огромным вниманием вслушивается в то, что ей говорят. Подаваемые записки также распадаются на большую часть делового, вдумчивого характера и на значительно меньшую часть демонстрационно-враждебного характера. При всякого рода дискуссиях выясняется, что аудитории бесплатные и платные, которые несколько отличаются друг от друга по составу (но как это ни странно, не особенно, — там и здесь люди обоего пола, всех возрастов и всех социальных положений, всегда довольно много красноармейцев, всегда есть явным образом рабочие, всегда очень много молодежи), делятся определенным образом на лагеря, при чем лагерь сочувствующих коммунистам значительно превышает лагерь нейтральных и лагерь противников. Характерно также, что из всякого рода оппонентов, выступавших против меня на разные темы, по моему, наибольший успех имеют толстовцы. Характерно, что толстовцы обыкновенно выступают как революционеры духа, твердо и определенно осуждают все стороны старого порядка, официальную церковь и т. д., говорят с большой симпатией о коммунизме, но только отвергают насильственные методы революции. Вот этим-то они, очевидно, и вызывают симпатии некоторой части интеллигенции. Если бы судить по настроениям этой аудитории, которая собирается, так сказать, с улицы, но которая представляет собою, очевидно, наиболее подвижную часть интеллигенции, ту, которая готова бежать издалека в нетопленное помещение и сидеть два — два с половиной часа не шелохнувшись, чтобы чему-нибудь научиться, то можно сказать, что мы имеем какую-то базу симпатии, или, по крайней мере, симпатизирующего внимания московской интеллигенции. При этом надо непременно принять во внимание, что значительная часть этой аудитории состоит из той новой интеллигенции, о которой я говорил выше. Однако этот процесс тоже не нов и подобную аудиторию я имел

уже в ноябре 1917 года в Петрограде на первом митинге, собранном поэтом Ивневым² «для объяснения между новой властью и интеллигенцией». Еще более разителен был собранный тов. Зиновьевым митинг осенью 1918 года, когда в Таврическом дворце собралось видимо-невидимо интеллигенции (толпа запрудила весь Таврический дворец, включая Екатерининский зал, прилегающий двор и прилегающие улицы), было не менее 15 тысяч человек.

Значит ли это, что никакого нового серьезного движения на лево среди интеллигенции не произошло? Нет, я вовсе не хочу это утверждать. Произошел действительно, в своем роде катастрофически внезапный, так сказать, больше революционный, чем эволюционный сдвиг в определенных кругах, в кругах некоторой части наших врагов. Самым ярким симптомом этого сдвига явился, как вы знаете, сборник «Смена вех». Конечно, авторы «Смены вех» более или менее длительным процессом подготавливались к своему обращению, но самое обращение явилось как бы бурей, явилось как событие. Оно то и вызвало довольно большое движение среди эмиграции, перекинулось в Россию, дало интересный лозунг о том, что называется национал-большевизмом и, может быть, будет иметь кое какое будущее. Повторяю, что здесь очень важно сознать, что самое ядро этих наших новых союзников состоит из наших недавних врагов, открытых, активных, беспощадных. Мы узнаем из статьи Снесарева³, что он с винтовкой в руках боролся против нас во время ярославского заговора. Мы знаем, что самый глубокий и интересный из веховцев — Устрялов был министром у Колчака. Мы знаем, что Бобрищев-Пушкин был одной из интеллектуальных сил врангелевщины.

Что же это за люди? Это — патриоты. Да, это активные патриоты. Это люди, которые, может быть, с несколько разной стороны, но одинаково горячо интересуются русской государственностью и судьбами культуры русского народа. Это люди общественные, это люди как нельзя более далекие от общественного болота. Это люди из более или менее правого лагеря, т. е. отнюдь не зараженные нелепыми демократическими предрассудками и никакой псевдосоциалистической требухой. Казалось бы, правый патриот, активный контрреволюционер, — кто может быть дальше от какого бы то ни было союза с нами, и если он объявляет себя нашим союзником — не хитрит ли он, не продается ли он нам, как намекает Милюков? Во все нет. Все дело заключается в том, что эти люди, представляя собою в сущности одну из самых сознательных групп русской буржуазной интеллигенции, додумались, поднялись даже в эпоху своей контрреволюционной

работы, до настоящей широкой общественной и государственной мысли. Они потому хватали винтовки против нас, что принимали нас за губителей России, как великой державы. Надо помнить, что классы далеко не всегда защищают свои интересы в виде голого экономического интереса. Ничего подобного. Если класс мало-мальски жизненен, если у него есть что впереди, то он неизбежно одевает свои интересы в одежды того или другого идеализма. И вот эти буржуазные группы, представлявшие собою не столько наши купеческие круги, сколько известные круги интеллигенции средних слоев — также облекли свою веру в великодержавность, свой до мистики доходящий государственный патриотизм в различные психологические и философские краски.

Стало быть, мы здесь имеем дело с идейным врагом, с выразителями некоторой части России, которые имели перед собой будущее, рисовавшееся им в виде демократизации (правда, умеренной) русской самодержавной власти, строя, который сумеет утилизировать все силы народа и на почве утилизации этих массовых сил создаст необыкновенно блестящее международное положение для России. Идя по стопам славянофилов и Достоевского, эти люди не прочь помечтать и о том, что эта великая Россия, нечто вроде *Russland Russland uber alles*⁴, будет вместе с тем служить человечеству, внесет в него новую струю, пойдет впереди народов к дальнейшему прогрессу. Мы узнаем эту великодержавность. Разве не имела она места в той же империалистической Германии? Русская буржуазия всех видов, хотя и была, так сказать, забита, но, тем не менее, не вся же целиком. Могла же и она развивать свою прогрессивную идеологию.

Итак, это национал-либералы, порою почти национал-консерваторы на славянофильской подкладке, выразители наиболее жизненных интересов, наиболее сильных групп средних и только отчасти, может быть, господствующих классов (может быть, наиболее передовых промышленников).

Перемена фронта у этих людей является вполне обоснованной и совершенно естественной. Первое, чего они жаждут — прочной государственности. Они пришли в ужас уже при керенщине. Присмотревшись к лику наших эсеров и наших меньшевиков, они убедились, что эти партии — болтушки в состоянии только совершенно растасовать все силы народов бывшей Российской империи. Они убедились, что попытки контрреволюции (типа колчаковщины, врангелевщины и т. д.) представляют собою продажу России иностранцам и кроме того являются свидетелями полной бедности, и духовной государственной нищеты правящих классов. Они должны были бы прийти в отчаяние,

но тут они заметили, что, пока они боролись с большевиками, большевики создали государственность, создали прочный политический строй, создали большую и прекрасную вдохновенную Красную армию, что они не только не растранижирили Россию, но за совершенно ничтожными исключениями объединили территорию бывшей империи в виде свободного союза народов, союза, отнюдь не противоречащего величайшей концентрации сил, законченной централизации. Они убедились, что советская конституция не противоречит великодержавности. Присмотревшись к тактике Коминтерна, они (правда, криво, ошибочно) убедились, что эта тактика идет на пользу великодержавности России, создавая ей на Западе и Востоке друзей среди миллионов угнетенных. Ошибочность их оценки заключается только в том, что они неясно понимают глубокий интернационализм и доминирующую над всем коммунистичность нашей тактики, но что на нашем интернационалистском пути мы, вместе с тем, совершаем работу и по воссозданию России, и что одна задача отнюдь не противоречит другой — это, конечно, верно.

И вот эти патриоты естественно задумались над этим явлением и поняли, что сейчас именно и произошла глубокая демократизация России, правда, гораздо более яркая, чем та, которой они хотели бы. Но ведь они боялись полной демократизации, чтобы власть не рассылилась, теперь же из этой демократизации до тла выросла новая крепкая власть, вполне способная утилизировать все народные силы.

Единственно, что могло оттолкнуть их как группу, которой присущ определенный классовый инстинкт — это наш немедленный коммунизм. Немедленный коммунизм исторически явился у нас спутником гражданской войны, но, так сказать, социологически, он есть выражение интересов только одного класса — пролетариата и, пожалуй, еще самых бедных элементов крестьянства. Это, во-первых, должно было внушать известные сомнения: Россия — страна крестьянская. Политика немедленного коммунизма — анти-крестьянская политика, — как бы тут шею не сломила новая власть. Во-вторых, это было противно той группе, о которой мы говорим. Ей прогресс России рисуется в чертах всякой индивидуальной инициативы, широкой и свободной общественности на основе индивидуализма. В этом скрывается их буржуазность.

Вот почему душа их переполнилась восторгом, когда они увидели, что мы отказываемся от политики немедленного коммунизма; лозунг прочного союза с крестьянством, как первая политическая задача, успокоил их опасения, показал им, что власть остается глубочайшим образом народной. Лозунг развязывания частной инициативы в об-

ласти промышленности не только дал базу для дорогого их сердцу индивидуализма «надолго и всерьез», но и служит для них залогом постепенного развертывания и вольных форм культурной жизни.

Конечно, они сознают, что коммунисты, делая этот обход, неуклонно движутся к намеченной цели — всемирной революции и установлению окончательного социалистического порядка в России и других странах; но это их не пугает. Если это планомерный процесс, если это не авантюра, если это не прение против рожна, то чего же им тут пугаться? Они с уверенностью говорят о том, что буде революция действительно разразится в Европе, им приятно будет сознавать, что открыла ей двери наша родина, и прибавляют: а буде такая революция не придет скоро, Россия все же будет необычайно демократической, необычайно народной, необычайно могучей страной, которая займет видное место среди держав мира и перед которой, во всяком случае, открываются дни бесконечно более блестящие, чем тусклые дни заката самодержавия.

Много ли таких элементов у нас? Не знаем.

В ней есть элементы средне-монархические, конечно безыдейные в этом смысле, монархисты-дрянце. Из монархистов только один Струве болезненно переживает противопоставление устряловских идей его идеям. Я даже не удивлюсь, если Петр Бернгардович сам со временем переживет некий подобный же внутренний процесс. Но Струве не в счет, — это вполне индивидуализированная фигура. Есть в России обывательское интеллигентское болото. Тому все ни-почем. Оно киснет и служит только тестом для других. Есть в России кадетско-меньшевистски-эсеровская оппозиция, болтливая, политически бездарная, выдохшаяся. Есть в России великий коммунизм, железный, вдохновенный, зоркий, мудрый. Может быть, кроме коммунизма в России есть еще настоящий, подлинный буржуазный патриотизм, остаток жизненной силы индивидуалистических групп и классов. Если он есть, то он сгруппируется вокруг своеобразного знамени, выброшенного рыцарями «Смены вех».

Мы хотим опираться на живые силы страны. Кто же жив в нашей стране? Во-первых, огромное море вне пределов коммунистической партии, рабоче-крестьянской беспартийщины. Эта трудовая беспартийщина, примкнет ли она к коммунистической партии, сложится ли она в другую партию, пребудет ли в качестве своеобразной атмосферы вокруг коммунистического ядра, во всяком случае она главный наш контрагент и главный наш союзник. Если кроме нее в России окажутся еще глубоко патриотические элементы, которые с другого конца подходят к нашей задаче, которые говорят о спасении отечества,

о его консолидации, о его промышленном и культурном прогрессе и полагают, что все это должно быть построено на фундаментах революционных приобретений Октябрьской революции, то с такими группами мы также могли бы оказаться надолго спутниками, с большой надеждой, что и они постепенно ассоциируются с нашей партией в самых лучших своих элементах.

Вот, что означает появление «Смены вех». Вот какой сдвиг, вот какой исторический факт имеем мы перед собой — очень медленный молекулярный процесс, медленный химизм нашей интеллигентской обывательщины, гораздо более медленный, чем мы желали бы.

